

Эти аналогии не означают, что Ломоносов мог заимствовать образы своих од у Кременецкого. Благородное миролюбие Ломоносова имеет мало общего с наивной агрессией Кременецкого, который в 19—20 строфах мечтает о днях, когда «Свет наречется едина Россия» и «все врази повергнут своя Кавказы» под стопы Петра. Мыслимый Кременецким идеал России скорее близок к нарисованной Сумароковым картине в оде 24 ноября 1763 года:

Росску скипетру услуга,
Трех частей земного круга,
К миру и против врагов
За протоком Окияна,
Роска зрю Американа,
С Азиатских берегов.¹

Но и сходство сумароковского места с одой Кременецкого не означает заимствования. Речь может идти только об общем для государственной панегирической оды месте, рисуящем государство в геополитическом контексте.

Глава 3 ОДЫ КАНТЕМИРА

Своей вершины русская горацанская ода достигла в творчестве Антиоха Кантемира. Из од Кантемира до нас дошли только четыре, подготовленные им для печати, но увидевшие свет только в 1762 году. Датировка их затруднена расхождением свидетельств самого поэта о времени их создания. Принципиальное значение имеют два срока: до отъезда за границу, как он указывает в предсмертном письме, или уже в заграничный период, в 1735—1736 годы. По предположению З. И. Гершковича, сохранившиеся четыре оды (всего их было не меньше 8) написаны в разные периоды.²

Две первые оды тетрастрофичны, строфа состоит из равных 11-сложников (1-я асклеиадова строфа), тогда как обе оды

¹ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: В 10 т. Собраны и изданы Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1787. Т. 2. С. 67.

² Гершкович З. И. Примечания // Кантемир А. Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы, подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 465. (Б-ка поэта).

Горация (34-я и 9-я, кн. I), взятые за образец, написаны алкеевой строфой. Четвертая ода состоит из 11-сложных шестистиший. Третья ода «На злобного человека» написана сапфической строфой, однако строфа у Кантемира отличается от аналогичных строф Симеона Полоцкого и школьных од, в которых конечный четвертый стих устойчиво короткий 5-сложник. Кантемир удлиняет метрический пуант строфы на один слог:

Того вы мужа, что приятна зрите
Лицом, что в сладких словах, клянясь небом,
Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите! —
Яд под мягким хлебом.¹

Удлиненный последний стих сапфической строфы, возможно, отражает влияние французской поэзии. Но главная новация в строфах Кантемира заключается в новом, рифменном, их строении. Помимо интонации, которая у Кантемира не только отвечает правилам речи, но и преобразует саму речь, его строфы скреплены перекрестной рифмой. В четвертой оде шестистишия строятся из четырех стихов с перекрестной рифмой и заключительного дистиха с парной рифмой: АБАБВВ.

Перекрестную рифму в русских стихах из известных поэтов впервые применил Феофан Прокопович в стихотворении «Плачет пастушек в долгом ненастьи», написанном, по всей видимости, до воцарения Анны Иоанновны, в 1729-м или самом начале 1730 года.² К 1730 году относится первая русская

¹ Кантемир А. Песнь III. На злобного человека // Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 198.

² М. Л. Гаспаров называет эти стихи Феофана первыми русскими рифмованными стихами (Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 52), однако уже в 1727 г. перекрестную рифму употребил переводчик Академии наук И. Верещагин:

Небо омрачается
а Петрово солнце ясно.
Провалился темнота
чаяние бо не напрасно...

(Мордвинов И. П. Академическое поздравление императору Петру II // Русский архив 1911. № 2. С. 297—300). Эти стихи — незавершенный перевод оды И. С. Бекенштейна на помолвку Петра II (Unserem großen Kayser Petrus II. Auf den glücklichseeligen tag dessen verlöbnisses. St. Petersburg den 25. May 1727). Знаменательно, что И. Верещагин пробует ввести перекрестную риф-

октава Феофана Прокоповича, с соответствующей ей тройной перекрестной рифмой, обращенная к Кантемиру. В том же году Кантемир ответил Феофану восьмистишием, состоящим из двух четверостиший с охватной рифмой. Об этом едва ли знал находившийся в Гамбурге Третьяковский, однако и он в том же 1730 году впервые применяет в своих песнях и стихотворениях перекрестную и охватную рифмы. Так, «Песнь <...> к торжественному коронованию имп. Анны Иоанновны», сочиненная в Гамбурге в августе 1730 года, написана изометрической строфой с рифмовкой ААБВВБ. 22 строфических и нестрофических стихотворения «Езды в остров Любви» рифмуются в перекрест, 5 — в охват. 1730 год стал, таким образом, поворотным в истории русской рифмы. Особое значение принцип нового рифмования имел для строфы и тем самым для оды. Одические строфы Кантемира отражают тот же процесс преобразования русской рифмы.

Оды Кантемира по своей форме и стилю в целом остаются в русле русской горацанской традиции. Это тем более знаменательно, что Кантемир был знаком с творчеством Н. Буало и должен был знать его теорию пиндарической оды, произведшую сильное впечатление не только на французскую, но и на немецкую, польскую, а затем и русскую поэзию. Однако ни в одной из его од, ни в двух первых, которые, возможно, написаны еще в России, ни в двух последних, которые, скорее, уже заграничные,¹ нет никаких признаков пиндарического стиля.

Связь Кантемира с русской традицией, в частности со школьной одой, подтверждает его сохранившаяся ода «К императрице Анне в день ее рождения», не назначавшаяся им к печати. В примечаниях к ней Кантемира говорится об истории ее создания: «...ода сия писана латинскими стихами и от учеников академической школы поднесена императрице в день ее величества рождения в 1731 году. Автор наш ее на стихи переложил с русского готового перевода...».² До недавнего времени школьный начальный вариант оды был не известен, что позво-

му именно в строфу. Впрочем, перекрестную рифму в русских стихах использовал еще А. Белобоцкий.

¹ Наиболее определенно Кантемир говорит о времени создания третьей оды «На злобного человека»: «сочинена в 1735 году». См.: *Кантемир А. Собрание стихотворений*. С. 205.

² Там же. С. 466.

ляло исследователям предполагать принадлежность его ученикам Славяно-греко-латинской академии.¹ Однако отправным текстом оды Кантемира послужили стихи и их перевод учеников не Московской академии, а Академической гимназии. Обнаруженное издание гимназического русского перевода латинских стихов² предоставляет возможность проследить ход работы Кантемира над текстом. Ни латинский оригинал этого панегирика императрице Анне, написанный гекзаметрами без деления на строфы, ни его русский перевод, выполненный гимназистами, одой не назван. Школьный перевод представляет собой ритмическую прозу, записанную строками как стихами, не поделенными на строфы. Вариант оды Кантемира, который З. И. Гершкович дает как основной, заметно близок к тексту гимназистов. Однако Кантемир уже в этом варианте вводит рифму (парную, лишь в первой строфе — перекрестную), разделяет текст на отрезки, подобные строфам, и стремится к очищению стиля от церковнославянизмов и не точных по значению слов. В отличие от обычной для оды формы ода Кантемира не имеет ни строфического строения, ни какой-либо последовательности в рисунке строк. Неупорядоченность стихов в оде Кантемир в примечании объяснял своим желанием «по близку держаться слов первоначального» русского перевода.³ На протяжении 88 стихов ода Кантемира находится в

¹ Николаев С. И. Кантемир А. Д. // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Вып. 2. С. 18.

² Высочайшему рождения дню Анны Августейшия императрицы и самодержицы всероссийския <...> государыни всемилостивейшия щастливо торжественному Генваря 28 дня 1731 года. Всеподданейше приветствует учащееся юношество санктпетербургской гимназии. Переведено с Латинского языка. В Санкт-Петербурге, Генваря 28 дня 1731. (Это издание в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (Т. 1—5. М., 1962—1967; в дальнейшем: СК с указанием номера) не описано, но фиксируется Ю. Битовтом: *Редкие русские книги и летучие издания XVII века*. М., 1989. № 604). Латинское издание: *Natalibus Annae Augustae, Autocratoris Imperatricis Totius Russiae & & & Dominae clementissimae feliciter celebratis. D. XXVIII Januari MDCCXXXI* (Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: В 4 т. Л., 1984—2004. № 2047. В дальнейшем: СКИК с указанием номера). Оба текста использованы в работе Д. Л. Либуркина (*Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII—первая половина XVIII века*. М., 2000. С. 190—196), сравнившего латинский оригинал панегирика с переводом Кантемира и установившего ряд содержащихся в нем реминисценций и прямых заимствований из римской поэзии.

³ *Кантемир А. Собрание стихотворений*. С. 266.

разной зависимости от гимназического текста: в первых своих стихах она наиболее близка к нему, в последних в наибольшей степени с ним расходится. Вот пример 8—13 строк гимназической оды и 10—17 стихов (3-я строфа) оды Кантемира:

Ум есть, иже народами правительствует,
Преступающих же от злочинств востягает.
Сеи един Царства управляет.
Но и сими недоволен сущи, Небесную имея породу,
К Небеси простирается: и, аки пернатый,
Земная пренебрегши, в превыспренняя возлетает.¹

Народами той же Разум управляет,
Преступающих же с злочинств достягает,
Он царства правит. Но, тем не доволен,
Небесну имея природу, весь волен,
К небесам ся простирает
И, аки пернатый,
Землю круг сей бластный
Презрев, в вышни возлетает.²

По-видимому, Кантемир не был удовлетворен этим вариантом оды, хотя не без гордости отмечал, что в него «включены почти все различные роды стихов, кои на русском стихотворстве употреблять можно».³ Обнаруженный З. И. Гершковичем лист другого варианта оды показывает, что все «различные роды стихов», а именно 13-, 12-, 10-, 8- и 6-сложные, которые на этом листе доходят до 21-го стиха, заменены Кантемиром на обычный для оды 11-сложник. Более того, все произвольные отрезки текста, с разным в них числом стихов, сжаты до обычных четырехстишных строф. Так, приведенные выше семь стихов сокращаются им до четверостишия:

Народы правит, царства укрепляет,
Правдой суровость в злобных обуздая,
Небесна рода в небо простирает
Смелые крылья, землю презирая.⁴

Здесь уже едва различимы следы гимназического текста. Принятый за основной текст оды Кантемира представляет собой, очевидно, промежуточный (в отношении стиля, синтаксиса и версификации) вариант между школьным переводом и

¹ Высочайшему рождению дню Анны Августейшия императрицы... С. [1].

² Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 211.

³ Там же. С. 466.

⁴ Там же.

последующей отделкой. Несоответствие первого варианта оды Кантемира жанру потребовало, по-видимому, сначала специального объяснения его необычности, а затем и существенной переработки, начатой, но, как предполагает З. И. Гершкович, почему-то не завершённой поэтом.¹ Возможно также, что последующие листы с правкой просто утрачены. На наш взгляд, окончательным вариантом является тот, который опубликован З. И. Гершковичем как правка оды. По нему можно судить о представлении Кантемира о форме оды. Как видно и из других его од, это представление основано на теории горацанской оды.

Все четыре оригинальные оды Кантемира (ода Анне текстуально зависит от школьной оды) принадлежат к философской горацанской оде. Первая ода «Противу безбожных» представляет собой распространенный в поэзии XVII—XVIII веков род теодицеи, в которой, как писал Кантемир, «доказывается <...> бытие божества чрез его твари».² Согласно традиции теодицей, Кантемир заменяет обращение в оде Горация к самому себе на обращение к другим, безбожным, а также заметно усиливает натурфилософскую часть доказательства и сводит к одному стиху, взятому из Горация («Низит высоких, низких возвышает»), доказательство власти Бога через судьбу человека. Серьезная подробность натурфилософского доказательства, распространенного на 34 из 40 стихов оды, делает ее в какой-то мере схожей с «Вечерним размышлением о Божием величестве» Ломоносова. Однако ни о каком заимствовании речи идти не может: схожесть проистекает от общности жанра натурфилософской оды-теодицеи. Две первые оды «Противу безбожных» и «О надежде на Бога», являясь свободным переложением од Горация (34-я и 9-я, кн. I), в русской поэзии представляют уникальные образцы горацанской оды в собственном смысле, широко распространенной в западноевропейской поэзии. Они отвечают этому жанру и своей формой, чего не было у поздних русских горацанских по духу и пиндарических по форме од, например у Державина, и своей медитативностью, что трудно встретить в горацанской школьной оде. По обыкновению европейского горацанства строки Горация в одах Кантемира выполняют роль, подобную роли заданной

¹ Там же.

² Там же. С. 203.

темы в музыкальном произведении, свободной вариации которой посвящены сами оды. Как и в классической европейской горацанской оде, развитие темы протекает в ключе ветхозаветной (1-я ода) и христианской (2-я ода) мудрости. Примечание Кантемира ко второй оде «Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются...» можно было бы отнести ко всему европейскому горацанству, добавив только, что и Екклезиаст, и царь Давид с горацанством «согласовались» не меньше.

В этих четырех одах Кантемира был достигнут уровень европейской горацанской оды. Однако русская поэзия в период создания Кантемиром шедевров русского горацанства уже вступила на путь крутого и необратимого поворота, в результате которого оды Кантемира уже в момент возможного знакомства с ними русских поэтов, в 1743 году,¹ воспринимались, скорее всего, как анахронизм. Причина столь быстрого устаревания од Кантемира не только и даже не столько в их силлабическом стихе, который, как известно, не помешал популярности его сатир. Оды Кантемира остались без отклика из-за резкой переориентации русской лирики с горацанской оды на пиндарическую. Усилиями Тредиаковского и Ломоносова к началу 1740-х годов в России установился новый тип оды — пиндарической. Новая ода очень скоро завоевала русскую поэзию. На протяжении всей жизни жанра в России оды другого типа воспринимались как отклонение. В строгом единообразии послереформенной русской оды, в отсутствии в ней оппозиции в лице горацанской оды заключается существенное своеобразие русского классицизма.

Ни реформа стиха, ни реформа оды долго не сказывались на школьной поэзии. Учителя школ продолжали толковать оду на примере од Горация и Сарбевского. Ученики продолжали писать канты в форме горацанской оды. Число панегирических кантов в Елизаветинскую эпоху, как мы видели, даже возрастает. С конца 1740-х годов поэтики, правда, начали знакомить юношей с русской поэзией. Впервые специальная глава «De carminibus slavica (sic!)» (О славянской поэзии), включенная в «Phoebus Poeticus» (1748), дает сведения о реформе стиха Тредиаковского и примеры некоторых его стихотворений. Но первые силлабо-тонические канты и школьные пиндари-

¹ Николаев С. И. Кантемир А. Д. С. 20.

ческие оды относятся уже к эпохе Екатерины II.¹ Можно, вероятно, объяснить инертность школьной теории обычным для школьного преподавания спасительным консерватизмом. Однако в 1740—1750-е годы расхождение школьных знаний с современной поэзией объясняется не только нерасторопностью педагогов. Новая пиндарическая неистовая ода никак не вписывалась в школьную горацанскую теорию. Знакомство учеников с пиндарической одой и с требованиями к оде Тредиаковского привели бы к коренной перестройке всего школьного преподавания, зиждущегося на идеале умеренности. Известная односторонность школьной теории вызвала в свою очередь односторонность классицистической теории и практики оды. Как русская школьная теория оды во имя умеренности исключила знакомство учеников с Пиндаром, насаждая только горацанскую оду, так новая классицистическая теория оды хотя и не исключала Горация, но по существу являлась теорией пиндарической оды. Ограничения, налагаемые школьной теорией лирики, привели к однообразию русской силлабической поэзии, выражавшемуся, в частности, в господствующем в ней среднем стиле. Средний поэтический стиль соответствовал силлабическому строю поэтической речи, приближенному к прозе. Старая силлабическая система лирики при всей своей ограниченности представляла собой законченную в себе систему, все элементы которой находились в строгом соответствии. Обновление и расширение спектра лирического выражения, заключавшиеся в утверждении новой высокой оды, привели к разрушению старой системы лирики на всех возможных уровнях — стиха, стиля и формы. И это разрушение, по-видимому, было неизбежным следствием целостности старой системы. Сама резкость смены лирической ориентации, одним из следствий которой было введение новой версификации, привели к уникальной ситуации противопоставленности школьной и нешкольной поэзии. В 1728 году приветственные речи «малых детей» и ода Феофана Прокоповича отличались между собой лишь мерой мастерства и таланта. Между школьными кантами, не узнавшими печати, «Песню приветственной» 1721 года, преданной тиснению, одой

¹ Ода. «В восторг внезапный ныне мой...» // Описание всерадостного вшествия <...> имп. Екатерины Алексеевны <...> в Свято-Троицкую Сергиеву лавру <...> [М.], [1762]. Л. 6.

Ивана Кременецкого и, наконец, одами Кантемира принципиальной разницы не было. Все эти стихотворения находились в одном поле поэзии. Это обычное для сложившейся поэтической культуры единство позволяло Кантемиру править школьную оду. И как бы существенно он ни перерабатывал оду гимназистов, он говорил с ними на одном языке, имея в виду в конечном счете одно и то же. Начиная с середины 1730-х годов, и тем более в 1740-е годы, подобное стало невозможным. Поэзия, в частности лирическая, надолго раскололась на два лагеря, между которыми пролегла бездна. Высокая поэзия стала уделом поэтов, публиковавших свои произведения, в том числе оды, отдельными изданиями, в журналах, в сборниках, в собраниях сочинений. Школьная силлабическая поэзия распространялась главным образом в рукописных сборниках.

Рассмотрение основных вех развития одической формы в силлабический период русской поэзии позволяет заключить, что развитие русской строфики происходило не линейно и поступательно от Симеона Полоцкого к Кантемиру, а со своими внутренними перипетиями. После Симеона Полоцкого одическая форма распространяется главным образом в школьной поэзии. В кантах (или школьных одах) по причине их вероятной вторичности по отношению к латинскому оригиналу развивается не интонация поэтического периода, как правило мало искусного, а разнообразие строфических форм. Вместе с тем в школьных кантах разрабатывается средний стиль оды, в частности панегирической. В русле русской поэтической традиции создаются шедевры русского горацанства — оды Кантемира. Однако в момент своего расцвета эта традиция была безжалостно и навсегда прервана.

Глава 4

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ ТРЕДИАКОВСКОГО 1728—1733 ГОДОВ

Переход к новому типу лирики был осуществлен В. К. Тредиаковским, единственным русским поэтом, с одинаковым успехом владевшим тремя системами стихосложения: силлабикой, силлаботоникой переходного типа и чистой силлабо-

тоникой. Как деятельность всякого реформатора, его поэтическое творчество раскололось произведенной им реформой поэзии на два периода, и сама реформа отменила все, что было сделано не только другими, но и им самим до нее. А между тем до реформы стихосложения, которой Тредиаковский прежде всего знаменит, прошло не менее 10 лет его работы в поэзии, весьма, как это часто бывает у молодых поэтов, интенсивной. Причины, побудившие сложившегося и вполне успешного поэта вдруг произвести в 1735 году реформу стихосложения, а параллельно с нею, как мы увидим, реформу лирики, не могут быть поняты без рассмотрения первого, дореформенного, периода его творчества. Вопрос в том, вызревала ли реформа стихосложения внутри творчества поэта или она была продиктована внешними обстоятельствами.

Поэтическое воспитание Тредиаковский получил в Славяно-греко-латинской академии. Пройденные им курсы — пиитики (1723/1724 год)¹ и риторики (1724/1725 год),² а также участие в студенческих поэтических выступлениях определили литературные вкусы и поэтические навыки начинающего поэта. Пиитику и риторику в эти годы читал в Академии Софроний Мигалевич,³ но руководство его по поэтике нам не известно.⁴ Преподаваемая им теория поэзии, по всей видимости, мало отличалась от прочитанного в Академии за два года до поступления туда Тредиаковского курса Григория Мокрицкого «*Institutio poëtica*». С большой долей вероятности можно предполагать, что из Академии Тредиаковский вынес знание лирики на примере од Горация и новолатинских горацанских од.

В эти ранние годы Тредиаковский был заметным в студенческой среде поэтом. Свои школьные успехи в драматическом роде поэзии Тредиаковский вспоминал в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755).⁵ О при-

¹ Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 179—180.

² Там же. С. 106, 179—180.

³ Там же. С. 106.

⁴ См.: Lewin P. Wykłady Poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. S. 18.

⁵ «Не упоминаю и о моих двух драмах (да позволится сказать о себе не тщеславно) „Язоне“ и „Тите Веспасианове сыне“, сочиненных мною еще в студентстве моем и прежде отбытия в чужие край представленных в Заиконоспасском монастыре» (Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом